

танъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Су-чжеу, и оттуда прежде руководилъ военными операціями противъ магометанскихъ инсургентовъ, а по усмирениі мятѣжа заправлялъ ввѣренною ему странюю. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ сказали, что чинъ-цай очень желаетъ поскорѣе меня видѣть, но, какъ и прежде, не объясняли, для какой именно цѣли. Такъ эта цѣль осталась неразъясненною и впоследствии. По моему, желаніе скорого свиданія обусловливалось просто любопытствомъ, а затѣмъ не-терпѣніемъ получить подарки, безъ которыхъ нигдѣ невозможно отдѣлаться въ Азіи. Хамійскій же чинъ-цай-да-жень былъ также жаденъ на эти подарки, какъ и всѣ вообще китайскіе сановники. Впрочемъ, этотъ чинъ-цай оказался наилучшимъ изъ всѣхъ, когда-либо видѣнныхъ мною китайскихъ генераловъ — былъ къ намъ внимателенъ, вѣжливъ и не мало интересовался распросами о Европѣ, хотя, конечно, эти распросы имѣли самый ребяческій характеръ. Ласковому же съ нами обращенію хамійскаго начальника, вѣроятно, не мало способствовало ходатайство на этотъ счетъ въ пекинскомъ цзунъ-ли-ямынѣ (палатѣ внѣшнихъ сношеній) со стороны нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ, завѣдывавшій въ то время которою А. И. Кояндеръ, во все продолженіе настоящаго нашего путешествія, горячо ратовалъ передъ китайскимъ правительствомъ о возможныхъ облегченіяхъ трудностей нашего пути. Въ Хами же мнѣ было передано и письмо отъ уважаемаго А. И. Кояндера, посланное имъ сюда еще въ 1877 г. и дождавшееся меня болѣе года ¹⁾).

Передъ вечеромъ того же дня, когда мы пришли въ Хами, я отправился верхомъ въ городъ, въ сопровожденіи переводчика и двухъ казаковъ, съ визитомъ къ чинъ-цаю. Встрѣча была довольно парадная. Во дворѣ губернаторскаго дома стояли нѣсколько десятковъ солдатъ со знаменами; чинъ-цай вышелъ на крыльцо своей фанзы и пригласилъ въ пріемную. Здѣсь, какъ обыкновенно, подали чай; затѣмъ начались обыденные распросы о здоровьѣ и благополучіи пути; о томъ, сколько насъ, куда идемъ и т. д. Самъ чинъ-цай 51 года, но на видъ выглядываетъ старше; держитъ себя довольно просто. Проведя у губернатора съ $\frac{1}{2}$ часа, я уѣхалъ обратно въ свой лагерь.

На другой день чинъ-цай явился къ намъ отдать визитъ и пригласилъ меня, съ обоими товарищами-офицерами, обѣдать въ свою загородную дачу. Эта дача находилась въ одной верстѣ отъ города и представ-

¹⁾ Такъ какъ, въ концѣ 1877 года, я принужденъ былъ по болѣзни вернуться изъ Гучена и не дошелъ до Хами.